

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'33

DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-72-90

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ПЕРВОЙ «ВОЛНЫ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Наталья Ивановна Голубева-Монаткина

Ольга Владимировна Кукушкина

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Для контактов: golmonat@mail.ru, ovkukush@mail.ru

Аннотация. Цель статьи — изучение рефлексии о русском языке представителей второго поколения первой «волны» русской эмиграции. во Франции (1991–1992 гг.) и Канаде (1995, 1998 гг.). Материалом послужили записи интервью, изданные в 2004 г. в письменном виде и ставшие основой для создания в Лаборатории общей и компьютерной лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова электронного корпуса текстов «Русская эмигрантская речь». В исследовании выявлена неразрывная и хорошо осознаваемая представителями второго поколения связь между сохранением родного языка и погружённостью в историю и культуру Родины. Очевидно, что без организации центров общения, разработки специальной «родиноведческой» литературы и укрепления культурных связей русский язык вне России имеет мало шансов на массовое сохранение и передачу.

Ключевые слова: русский язык зарубежья, языковая рефлексия, сохранение языка, корпусный анализ, заимствования

Для цитирования: Голубева-Монаткина Н.И., Кукушкина О.В. Представители второго поколения первой «волны» русской эмиграции о русском языке // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода, 2026. № 2. С. 72–90. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-72-90

Статья поступила в редакцию 25.03.2026;
одобрена после рецензирования 14.05.2026;
принята к публикации 26.05.2026.

© Голубева-Монаткина Н.И., Кукушкина О.В., 2026

REPRESENTATIVES OF THE SECOND GENERATION OF THE FIRST WAVE OF RUSSIAN EMIGRATION ABOUT THE RUSSIAN LANGUAGE

Natalia I. Golubeva-Monatkina
Olga V. Kukushkina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

For contacts: golmonat@mail.ru, ovkukush@mail.ru

Abstract. The purpose of this article is to examine attitudes toward the Russian language among representatives of the second generation of the first wave of Russian emigration in France (1991–1992) and Canada (1995, 1998). The material is based on interview recordings published in written form in 2004, which subsequently formed the basis for the creation of the electronic corpus *Russian Emigrant Speech* at the Laboratory of General and Computational Lexicography, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University. The study reveals a strong and well-established connection between the preservation of the native language and immersion in the history and culture of the homeland among representatives of the second generation. It is evident that without the establishment of communication centers, the development of specialized homeland-studies literature, and the strengthening of cultural ties, the Russian language outside Russia has limited prospects for preservation and large-scale transmission.

Keywords: Russian language abroad, linguistic reflection, language preservation, corpus analysis, borrowings

For citation: Golubeva-Monatkina N.I., Kukushkina O.V. (2026) Representatives of the second generation of the first wave of Russian emigration about the Russian language. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda — Lomonosov Translation Studies Journal. 2 P. 72–90. DOI: 10.55959/MSU2074-6636-22-2026-19-2-72-90

The article was received on March 25, 2026;
approved after reviewing received on May 14, 2026;
accepted for publication on May 26, 2026.

В эмиграции, в условиях отрыва от родной языковой среды, отношение к родному языку становится особенно значимым. Оно является одним из важнейших факторов самоидентификации. В ситуации, когда человек стоит перед выбором — сохранять свой язык и передавать его своим детям или же оставить его в прошлом,

не видя в нем особой ценности — могут приниматься разные решения. Чтобы понять, как переживается и осмысляется эта ситуация, естественно в первую очередь обратиться к информации о том, что думают и говорят по этому поводу сами эмигранты, те люди, которым пришлось сделать такой выбор.

Исследование размышлений эмигрантов о русском языке интересно и тем, что эмиграция не может не способствовать обострённой языковой рефлексии. Она заставляет человека более внимательно относиться и к языковой ситуации, в которой он оказался, и к конкретным языковым фактам. Изучение языковой рефлексии, как и самой эмигрантской речи, может много дать и в диахроническом плане. Поскольку русская эмиграция первой волны представлена несколькими поколениями, её представители могут описать как отдельные изменения, происходящие в их языковой среде, так и свою реакцию на них. Они также могут обратить внимание на отдельные особенности языка родины родителей, хорошо заметные «извне», но не в полной мере осознаваемые нами. Всё это делает мысли русских эмигрантов о русском языке интересным и важным объектом исследования. Однако для проведения такого рода исследований необходимо иметь представительный и достаточно специфический материал, который очень сложно собрать. Здесь вряд ли подойдут формализованные опросники, составленные по модели *«Что вы думаете о...? — выберите один из ответов»*. Оптимальным источником информации в данном случае является неформальная, свободная беседа, в которой человек рассказывает о себе, своих родителях, детях, образовании, отвечая при этом и на вопросы, касающиеся русского языка. Этот речевой жанр позволяет проявить интерес и уважение к собеседнику как к личности, побуждая его одновременно к осмыслению задаваемых ему вопросов и размышлению над ними, к более детальному и свободному описанию окружающей его языковой действительности.

Такого рода уникальный материал был собран Н.И. Голубевой-Монаткиной в результате записи интервью с представителями четырёх поколений русской эмиграции первой «волны» во Франции (1991–1992 гг.) и потомками представителей первой и второй волн эмиграции в Канаде (1995, 1998 гг.). Тексты интервью с комментариями были позже изданы в письменном виде — см. «Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии»; «Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты

и комментарии» (Голубева-Монаткина, 2004а; Голубева-Монаткина, 2004б) — и послужили материалом для лингвистического анализа (см., например, Голубева-Монаткина, 1999).

Информация, содержащаяся в этих изданиях, интересна не только с лингвистической точки зрения. Большая часть собранных текстов содержит истории русских людей и целых семей, переживших трагические события. Это важные для русского зарубежья и его представителей свидетельства. Однако использование и исследование этих источников до недавнего времени ограничивалось возможностями книжного формата. В связи с этим в 2024 г. в Лаборатории общей и компьютерной лексикографии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (ЛОКЛЛ) на основе этих изданий был создан электронный корпус текстов «Русская эмигрантская речь».

Рис. 1. Заставка корпуса «Русская эмигрантская речь»

Проект реализован с помощью разработанного в ЛОКЛЛ корпус-менеджера «ИСТОК», в котором реализована возможность полнотекстового чтения, прослушивания исходных аудиозаписей, а также просмотра фотографий и рисунков. Пользователь может проводить самостоятельное исследование текстов Корпуса с помощью получения их конкордансов и словников разного типа. На рисунках ниже показаны основные режимы работы с Корпусом (см. рис. 2, 3, 4).

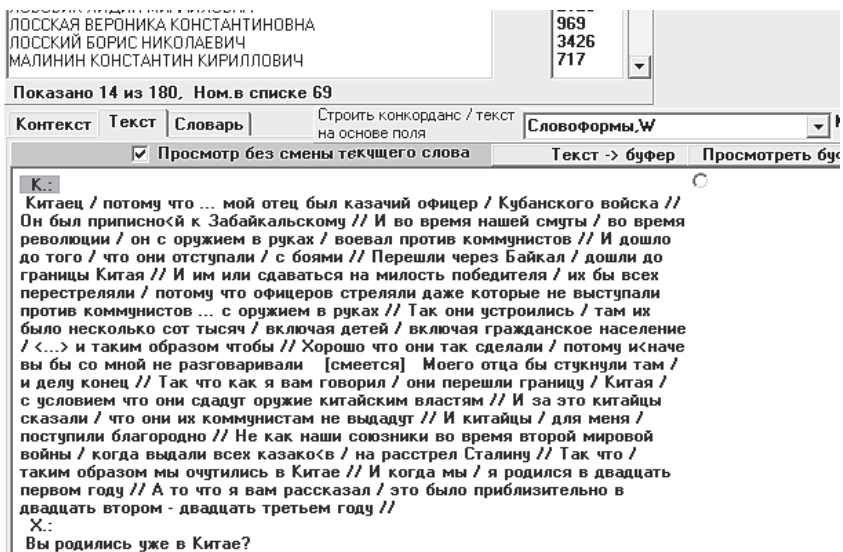

Рис. 4. Режим чтения выбранного текста

Работа над Корпусом ещё продолжается, но доступ к нему возможен уже сейчас по адресу lex.philol.msu.ru.

Корпусная форма представления, и прежде всего режим конкорданса, облегчает семантическое и тематическое исследование текстов. В данном случае эта возможность использовалась нами для поиска тех фрагментов, в которых речь идёт о русском языке. Затем был проведён анализ содержания найденных фрагментов. Некоторые наиболее общие результаты этого анализа излагаются ниже.

Нужно сразу отметить, что нами анализировался не весь материал Корпуса, а только тексты представителей эмиграции второго поколения первой волны из Франции и Канады. Эти информанты, на наш взгляд, представляют самый большой интерес. Это в большинстве своём дети людей, уехавших из России после революции, выросшие в нерусской среде и прожившие не в одной стране. «Жизненные маршруты» наших информантов нашли отражение в их русском языке, например, в виде упоминания ими большого количества иностранных топонимов и гидронимов (134 единицы с общей частотой употребления 2700), что было выявлено с помощью созданной в ЛОКЛЛ Автоматизированной системы работы с текстами и словарями «Диктум-1» (Голубева-Монаткина, Шестакова, 2015):

ЕВРОПА 14: Дунай 6; Франция 290: Нормандия 5, Турень 2 / Touraine 1, Бретань 1 / Bretagne 3, Иль-де-Франс 1, Лотарингия 1 / Lorraine 1, Эльзас 1, Сена 2, La-Manche 1, île Maurice 1; Париж 248, Ницца 47, Тур 13, Версаль 8 / Versailles 1, Медон 8, Кламар 5 / Clamart 2, Лион 5 / Lyon 1, Бордо 4 / Bordeaux 2, Мурмелон 4, Брест 3, Марсель 3, Тулон 3, Биарица 2, Гренобль 2, Фавьер 2 / (La) Favière 2, Аньер 1 / Asnières 1, Буживаль 1, Булонь 1 / Boulogne 2, Лилль 1, Намюр 1, Пуату 1, Руан 1, Сен-Женевьев-де-Буа 1 / Sainte-Geneviève-des-Bois 2, Трва 1, Тулуза 1, Quincy 12, Fontainebleau 11, Riche-lieu 10, Saint-Cloud 4, Carentan 3, Lonjumeau 3, Névers 3, Amboise 1, Beauvais 2, Cannes 2, Gagny 2, Rambouillet 2, Bormes-les-Mimosas 1, Caen 1, Chantilly 1, Courbevoie 1, Drancy 1, Indre-et-Loire 2, Melun 2, Metz 1, Monmorency 1, Nartel 1, Neuilly 1, Promainville 1, Reims 1, Saint-Lo 1, Saint-Quentin-les-Ivelines 1, Vichy 1, Ville-Paris 1; Германия 83: Берлин 24, Мюнхен 5, Франкфурт 3, Одер 3, Висбаден 3, Восточная Пруссия 2, Тироль 2, Бавария 1, Гамбург 1, Рейн 1, Аушвиц 1, Нойнгам 1, Вилхемстайн 1, Саксония 1; Польша 76: Варшава 7, Быдгощ 2, Люблин 2; Югославия 62: Сербия 19, Белград 12, Балканы 4; Дубровник 3, Сремски Карловцы 2, Загреб 1; Чехословакия 25 и Чехия 13, Словакия 9: Прага 32 / Prague 1, Моравская Тржебова 3, Богемия 1, Братислава 8, Владомирово 1; Болгария 32: София 9; Румыния 30: Бухарест 4; Англия 24: Лондон 7; Бельгия 20: Брюссель 3; Финляндия 14: Гельсингфорс 1; Италия 15: Триест 3, Milano 1; Испания 9; Эстония 8; Австрия 7: Вена 18; Греция 6: Афины 1, Афон 1; Швейцария 6; Турция 3: Константинополь 48, Лемнос 12, Галиполи 10; Венгрия 3; Sweden 1: Stockholm 2; Монте-Карло 1.

АМЕРИКА 94 + Соединенные Штаты (Штаты 1) 26: Нью-Йорк 30, Син-Клиф 6, Сан-Франциско 5, Флорида 4, Брайтон 2, Виргиния 2, Джорданвилл(ь) 2, Калифорния 1, Гарвард 1, Монпелье (Вермонт) 1, Санта-Барбара 1, Аляска 1, Бостон 1, Pearl Harbor (Гавайи) 2; Канада 76: Монреаль 21, Оттава 3, Квебек 3, Роуден 4, Торонто 3, Ладель 1, Саскачеван 1, Эдмонтон 1, Непеан 4; Аргентина 7: Буэнос-Айрес 2; Венесуэла 3 / Венециалия (?) 2; Колумбия (Колумбия) 3.

АФРИКА 7: Марокко 25, Египет 8, Бизерта 5 / Biserte 1, Каса-бланка 1, Тунис / Тунизия 1, Раббат 1, Абиджан 1, Liotet 4.

АЗИЯ 1: Китай 24: Шанхай 11, Харбин 5, Пекин 2, Тяньцзинь 1; Персия 8: Тегеран 1; Индия 6, Памир 2; Святая земля 1; Ява 3; Индонезия 1; Вьетнам 1.

АВСТРАЛИЯ 5; Адриатическое море 1, Аравийское море 1, Атлантический океан 2, Каспийское море 1, Индийский / Индусский океан 3.

Почти все наши информанты с детства знают иностранные языки, но при этом сохраняют язык своих родителей. Их судьбы и языковая среда, в которую они попадали, удивляют своим многообразием и изменчивостью. См. ниже отдельные примеры.

Н. К. — Родился в Каире; отец — белый офицер. В 9 лет пошел в Египте в частную английскую школу; получил в Канаде университетское образование и стал профессором; знает английский и французский языки.

Н.Н. П.-Л. — родилась в Берлине, училась во Франции (в русской гимназии и во французской католической школе); затем переехала в Монреаль; осталась православной.

И.Л. С. — родился и жил в Бендерах, окончил русскую гимназию, затем университет в Тулузе; жил в Румынии, работал в Америке, затем переехал в Канаду.

Г. С. — родился в Югославии, в Косово; учился в Белграде в русской и сербской школах. В Берлине окончил русско-немецкую школу, выучил немецкий. Попал с родителями в Аргентину, затем переехал в Канаду, где стал инженером. Одновременно получил богословское образование (в семинарии в Джорданвилле, США). Стал православным священником.

Рассказывая о себе, многие из собеседников размышляют о языке родителей, о языке СССР и России и об окружающей их языковой ситуации. Этому способствует и тематика задаваемых интервьюером вопросов. Нужно отметить, что вопросы, непосредственно касающиеся русского языка, составляли среди них лишь незначительную часть. Среди них можно выделить следующие основные типы:

- 1) вопросы об условиях, в которых приобреталось знание русского языка (*Как и где вы освоили язык? Воспитывались ли вы в русской языковой среде? Говорили ли родители дома по-русски?*);
- 2) вопросы о русских школах и обучении в них (*Есть ли/была ли у вас русская школа? Кто в ней преподавал? По каким учебникам учились, какие предметы преподавались?*);
- 3) вопросы о языковых навыках информантов (*На каком уровне вы владеете русским языком? Пишете ли вы по-русски? По нормам какой орфографии — старой или новой? Много ли читаете? Свободно ли?*);
- 4) вопросы о языковом воспитании собственных детей (*Говорите ли вы дома по-русски? Говорят ли ваши дети по-русски? Знают ли русский язык ваши внуки?*);

- 5) вопросы об особенностях русского языка эмигрантов (*Как говорят здесь русские?*);
- 6) вопросы о восприятии русского языка Советского Союза и перестроечной России (*Отличается ли этот язык от старого, вашего? Чем именно? Что не нравится?*).

Ответы на эти вопросы дают представление как о восприятии эмигрантами языковых изменений, так и о результатах осмысления ими процессов, связанных с судьбой русского языка, с факторами, влияющими на его сохранение и утрату в условиях эмиграции.

Как и следовало ожидать, наиболее заметными для эмигрантов являются изменения в акцентуации. Именно на них обращается в первую очередь внимание. Это проявляется прежде всего в ударе-нии фамилий. Так, например, П.И. М. на вопрос о том, коробит ли его что-нибудь в современном русском языке, отвечает сле-дующее¹:

М.: Вот / ударение меня очень коробит // Ударение... на фами-лиях //

Х.: Иванóв — Ива́нов.

М.: Ну вот / да / именно... Ну вот же были у нас друзья в Па-риже Па́шковы / которым дом Па́шковых когда-то принадлежал // Который теперь Пашко́в... А был я в Петербурге... и между прочим повели в дом государственного секретаря По́ловцева // ... И гид говорит «вот дом Поло́вцева» / а этот Поло́вцев был... моим пра-прадедом... Русский один из редких языков / где... ударение может перейти с одного места на другое / и где люди не очень уверены как его ставить //... Были такие две сестры Тۇтумлины // и... одна из них говорила что надо говорить Тۇтумлина / а другая что надо произносить Тутумли́на...

Система ударения действительно является наиболее подвиж-ным и изменяющимся участком современного русского языка. Здесь до сих пор активно идут процессы акцентуационной пере-стройки, которые проявляют себя прежде всего в смене ударения в суффиксальных производных, в том числе и фамилиях (см. о про-цессе приобретения русскими словообразовательными суффикса-ми доминантности в (Зализняк, 1985)).

Вторым отмечаемым и в наибольшей степени «переживаемым» информантами явлением является использование заимствований. Важно и интересно то, что активно обсуждается и осуждается нео-правданное обилие заимствований в языке современной им России,

¹ При передаче членения речевого текста авторы статьи в целом следуют правилам, разработанным в (Русская разговорная речь, 1978).

а не в эмигрантской среде, где оно более естественно. Так, С.А. Д., которая с детства знает четыре языка, говорит об этом следующее:

Х.: Какие особенности у русского языка в современной России? Может быть, вам что-то неприятно, раздражает?

Д.: Во-первых, невероятное количество иностранных слов, переделанных на русский лад // Невероятное количество //

Ср. также следующее высказывание А. Л.:

Х.: Скажите, пожалуйста, я хотела спросить, вот были вы в Советском Союзе... Как говорят, по-вашему, там по-русски?

А. Речь у них не такая богатая / и не интересная и масса всех каких-то американских... слов / и выходит как-то не очень красиво / выходит //

Если фиксация внимания эмигрантов на таких заметных явлениях, как изменение места ударения и использование заимствований, была вполне ожидаема и предсказуема, то описание ими более тонких языковых особенностей представляет несомненный самостоятельный интерес. Эти особенности касаются норм общения людей в Советском Союзе и перестроечной России. Эти нормы, на фоне собственных норм общения, сложившихся в эмигрантской среде второго поколения первой волны, кажутся последним ненормальными, упрощёнными и грубыми. Например, Ю.А. Т., приехавший впервые в Советский Союз в 1963 г. и затем часто посещавший его по работе, оценивает повседневный разговорный русский язык так:

Т.: Это был во-первых / казалось более грубый // И интонация / манера говорить / не только подбор / набор слов / но... люди немного «лаяли» друг на друга / на улице например // Вместо того чтобы сказать / «Вот там / поверните там»... [*подражает*] «Туда» / или там «мужчина»... обращение было очень необычное // Как... я до сих пор не могу привыкнуть / когда мне окликают «Мужчина»... [*смеётся*] Это я теперь знаю / что... в этом ничего оскорбительного / но до сих пор ещё не привык к этому ... Запас слов в области ругательств очень пополнился...

При этом данный информант понимает, что язык, и особенно разговорный, живёт и меняется, что в России «довольно бурное смешение сословий» и что язык индивида зависит от возраста, семьи, уровня культуры. Но общая оценка от этого не меняется. Свой язык он оценивает как хотя и отстающий от современного языка СССР, но отличающийся от него в лучшую сторону более мягким «способом говорить» с другими («то, как обращается к человеку...

как-то мягче») и богатством лексического состава. Впечатление о более низком уровне словарного состава Т. выражает следующим образом:

Т.: Я думаю, тот язык... который слышал вокруг меня... вероятно был... в какой-то степени устарелый / но вообще вероятно... богаче // Мне впечатление было / что те люди... то... их запас слов был более скудный // Такое впечатление //

Т. признает, что по возвращении домой из СССР он стал говорить немного более современно, но подчёркивает, что «это не значит, что более вульгарно».

Ещё более усугубляются проблемы с экологией общения и уровнем владения языком в перестроечный период. Так, уже упоминавшаяся Д. говорит о «простецком» характере речи у многих приезжающих из России русских:

С.А. Д. И потом... не знаю / иногда какой-то такой говор / как Вам объяснить? Простецкий, что ли...

Х.: А этот говор у всех, с кем вы говорили?

Д.: Не у всех [...] ну вот я встречала / я их очень люблю / люди которые приезжают // Сразу / мы сразу слышим что они оттуда // Сразу // Это не порок / но... немножко это... нас шокирует / если можно так выразиться // [...] Это общее мнение / понимаете // [щас] масса людей приезжает // У меня например есть подружка-француженка... Которая была в России / там преподавала в Ленинграде / которая обожает русский... говорит по-русски замечательно // Замечательно // Но она тоже... говорит / что невероятно / если можно так выразиться / упрощение языка // Даже... для иностранки которая / знаете / то есть она знает всех классиков / там всё такое // Это трудно сказать... и даже в произношении //

Как известно, активное проникновение разговорного языка в язык литературных и публицистических текстов в постперестроечный период было воспринято многими как «порча русского языка». Однако, как показало исследование языка этого периода, в это время шёл закономерный и неизбежный процесс повышения функционального разнообразия русских текстов, связанный с расширением коммуникативных потребностей носителей языка (см. (Русский язык конца XX столетия, 2000)). В это же время было в полной мере осознано системное различие устно-разговорной и письменной разновидностей русского литературного языка (см., Лаптева, 2003) и необходимость говорить не так, как пишешь. Это привело к бурному развитию устной публичной речи. Однако «раз-

мывание» границ имело и такие явные негативные последствия, как обеднение лексического состава и активное использование в общественной и публичной речи блатного языка. И информанты остро на это реагируют. Например, сравнивая речь на русском, французском и английском телевидении, П.-Л. даёт негативную оценку языку первого как некрасивого и неправильного, а затем так характеризует язык приезжающей из Советской России молодёжи:

П.-Л.: Это говор! И это меня поражает! ... Я должна сказать / что меня иногда раздражает русская — то, что я называю «эмигрантщина»... Особенно молодые // Они приезжают из Советской России и привозят совершенно невероятный блатной язык / невероятные ругательства / которые я... я их знаю / как и все мы их <> слышали / но они употребляют их направо и налево / вот... как будто это каждодневный язык // Я думаю что во Франции они не понимают... вес слов... А они приезжают / эмигранты молодые / которые приезжают из России / и это ещё ничего / какой-нибудь там «бардак» / это ещё ничего! / Но они такое по матери такое сыпят / не понимая //

В этом высказывании с помощью выражения «*не понимают вес слова*» очень точно характеризуется такое болезненное для нас явление, как отсутствие у носителя языка функциональной грамотности в области владения родным языком. Теперь задача формирования такой грамотности в разных областях знаний вышла на уровень школьных методик, однако отучение от языковой агрессии до сих пор остается сложнейшей педагогической и психолого-лингвистической проблемой, требующей своего решения (см., например, методические разработки в этой области (Щербина, 2004)).

«Внешнее» восприятие русского языка России даёт интересные результаты и частного характера. Так, отдельные привычные для нас разговорные повседневные обороты вызывают недоумение информантов. Ср., например, следующие высказывания:

Т.: Были выражения / которые меня удивляли // Когда спрашивают: «Как вы поживаете?», люди отвечали «Нормально»... И... вопрос так же глупый, как и ответ [*смеётся*], потому что никто не хочет узнать как вы поживаете... Меня всегда удивляло здесь / «Всего!» / всего чего? [*смеётся*]

К.Я. А.: В Москве всегда говорили «спасибо» // А в Петербурге «благодарствуйте»... Но теперь и мы здесь говорим / что совершенно неправильно грамматически / «большое спасибо»... [*смеётся*] Грамматика этого не позволяет...

Очень большое место в размышлениях о русском языке занимает проблема его сохранения. Как и следовало ожидать, важнейшим условием сохранения последнего является обстановка в семье. Е-ц говорит об этом следующее:

Е.: Это уже дело родителей // Это... исключительно зависит ни от каких школ / это зависит / какая атмосфера дома // И дело тут не в том, что родители там диктовки писать заставляют / говорят ли дома / и вообще вся эта домашняя атмосфера // Это очень важно // Это важнее... всяких нравоучений...

Во многих семьях эмигрантов второго поколения говорили только по-русски и требовали этого от детей. Эта позиция могла быть принципиальной и распространяться на третье поколение. Ср. высказывание на эту тему П-ой:

Х: А сын ваш говорит по-русски?

П.: [...] дома сейчас только по-русски // Даже собачка не понимает по... английски... [*смеётся*] С собачкой нужно тоже по-русски говорить //

У части эмигрантов первого поколения первой волны установка на сохранение русского языка детьми была связана с верой в то, что рано или поздно семьи смогут вернуться в Россию. Однако при всем желании родителей у детей могло складываться и резко негативное отношение к русскому языку, независимое от языка семьи. В этом плане показателен рассказ А. об эволюции его отношения к русскому языку:

А.: Дома отец и мать говорили по-русски / всегда по-русски / конечно это им было самое удобное / и мой брат, моя сестра и я отвечали и не по-русски и не по-французски / и потому я немножко умею по-русски // [...] потом [...] но я не хотел ничего русского знать // Потому что отец мне так много говорил о революции / но всё ж таки он был против большевиков...

А.: Да / я теперь жалею / но когда я был молодым / я думал, что человек может... должен иметь только одну родину / я хотел иметь родину французскую ... и не хотел потому ничего русского //

А.: Хотел... стать как мои французские друзья... всю мою жизнь я старался стать французом...

Со временем пришло понимание, что знание языка предков — большое преимущество и что упущенное в детстве в семье трудно восполнить. А. рассказывает об этом так:

А.: Когда мы были в России в мае месяце с господином L. / среди нас был французский генерал / который научился по-русски / и который мне сказал / «Как стыдно вы... вам это так легко научиться

по-русски / вы не умеете» // Я ему ответил / «Вы правы... только нужно было бы столько времени научиться по-русски / и всё ж таки никогда не будет теперь такой для меня удобный язык / даже русских авторов я предпочитаю читать по-французски» //

Осознание ценности сохранения языка родителей привело к тому, что обе дочери А. стали учить русский язык.

При всей установке на сохранение языка в семье с течением времени ситуация неизбежно меняется. Уходит старшее поколение (бабушки и дедушки), и с ними уходит «естественная» (межпоколенная) передача родного языка. К.Я. А. говорит об этом следующее:

А.: Школа восточных языков // Две мои внучки туда ходят // Учиться русскому языку // Уже бабушек не было // А у моих детей была бабушка / и они все говорят по-русски / довольно хорошо // И читают уже свободно / даже поэзию / что является, я думаю / признаком хорошего знания языка // Не правда ли?

Х.: А внуки уже не говорят?

А.: Нет //

Х.: То есть хватает практически на два поколения...

А.: Если... смотреть на... нормальное так сказать / естественное / родовое / родовую передачу языка // Теперь уже должны учиться / если они хотят этого // Это уже для них что-то внешнее // Для нас это было родное //

Таким образом, информанты подчёркивают, что внукам требуются уже особые стимулы для изучения и сохранения языка родителей. Русский язык изучается ими обычно уже как иностранный. Общее ощущение неизбежности процесса утраты родного языка родителями детьми и внуками без специальной его поддержки, причём не только внутри семьи, хорошо выразил Г. С.:

С.: Эмиграция прошла четыре стадии // Миллионы выехали // А сейчас остались единицы русскоговорящих // Потому что это то же самое, как лёд на солнце... Тает абсолютно знаете // Везде / всюду // До... между первой и второй мировой войной... там были военные / спортивные организации... И политическая организация // Ну и параллельно конечно и церковь... и единственное, что сейчас у нас осталось в общем, и те люди, которые ютятся вокруг церкви / они... в них остался ещё русский язык // А так... в общем... всё это пропало //

Самый очевидный из специальных стимулов — это работа, требующая знания русского языка. Однако, по мнению размышляющих на эту тему эмигрантов второго поколения, ещё более важ-

ное значение имеет погружённость в русскую культуру и прежде всего литературу. Так П. обращает внимание на такой кажущийся парадокс:

П.: Часто люди / скажем простые / которые знали только русский язык / они как раз стали плохо говорить (*по-русски* — Н. Г.-М.)... И знаете вот... как раз / как ни странно / люди которые плохо очень... знали французский // [...] Мне кажется, это зависит от ценностей / к чему придают значение // Потом тоже к чему в семье придавали значение // Потом / может быть тоже... от... литературы / конечно, наши мысли часто мысли... наших писателей / наших поэтов...

Мысль о том, что нельзя сохранить родной язык без сохранения связи с русской культурой, в наиболее концентрированном виде выразил М.-ч. Рассказывая о том, как в юности в Моравии он слушал в русской гимназии лекции по русской истории приезжавшего из Праги ученика В.О. Ключевского А.А. Кизеветтера², рассказы профессора Завадского о встречах с Чеховым и Горьким, М.-ч без всяких наводящих вопросов о русском языке говорит:

М.: И в этом смысле (*культурном* — Н. Г.-М.) мы были конечно очень избалованы [...] Простые люди / им гораздо труднее сохранить русский язык / чем люди имеющие какую-то культуру // Вы ничего с этим не сделаете //

Х.: А как Вы думаете, почему так?

М.: Федотов³ говорит / это мой ответ // Чтобы Россия воскресла / необходимо во что бы то ни стало / можете потерять всё / но культуру должны сохранить [...] Это правда, / уверяю вас, <...>

Из тесной связи между уровнем культуры и знанием языка следует очевидный, но далеко не всегда учитываемый вывод: даже самые хорошие курсы и учебники по русскому языку как иностранному не могут полноценно обеспечить эту связь. Для этого необходимо достаточно глубокое погружение в историю и литературу России. В этом отношении очень интересным является создание и использование в условиях эмиграции справочника по «родиноведению». Один из его авторов А. Д.Ш. говорит о нём следующее:

² Кизеветтер Александр Александрович (1866, Санкт-Петербург; 1933, Прага) — русский историк, публицист, политический деятель. Председатель Русского исторического общества в 1932–1933 годах.

³ Федотов Георгий Петрович (1886, Саратов; 1951, Нью-Джерси) — историк, культуролог, публицист, профессор истории Владимирской Богословской Академии в Нью-Йорке.

Ш.: Мы написали такую книгу / выпустили по... родиноведению... Это справочник / потому что там... всё очень коротко / но там много иллюстраций / понимаете // И этот ... очень удобно / справочник... по родиноведению // называется «Россия / родина отцов наших» называется общее название...

Известно, что по учебнику А.Л. Ященко с аналогичным названием «Родиноведение» велось обучение в России в 1916–1917 гг. и что «на рубеже XIX–XX вв. в отечественной педагогической литературе для раскрытия специфики территории использовались такие термины, как «родиноведение», «отчизноведение», «отечествоведение» <...>. До революции 1917 г. сложилась достаточно мощная методическая школа по преподаванию родиноведения <...>» (Кирьяш, 2017: 95). Однако позже термин «родиноведение» был практически вытеснен термином «краеведение». Сейчас он снова используется, и при этом всё более наполняется гуманитарным междисциплинарным содержанием, поскольку «синтезирование знаний по географии, биологии, истории» должно дополняться «литературной составляющей, художественными образами, походами в музей и т.д.» (Там же: 96).

Но если в России потребность в таком синтезе прежде всего важна для изучения особенностей малой родины (родного края), то в условиях эмиграции объектом родиноведения является вся Россия. И создание таких синтезирующих сведения о России учебников, позволяющих поддерживать с ней культурную связь, принципиально важно для сохранения русского языка вне России.

Итак, весь опыт второго поколения русской эмиграции показывает неразрывную и хорошо осознаваемую связь между сохранением родного языка и погружённостью в историю и культуру Родины. При этом для эмигрантов второго поколения и их детей главной культурной ценностью является знание русской литературы (классической и серебряного века). Сохранение языка предков осознается всеми как большая ценность и преимущество, однако если у второго поколения оно носило естественный характер и поддерживалось семейными традициями и центрами коллективной жизни (русскими школами, воинскими и спортивными объединениями, литературными кружками, церковью), то у третьего поколения потребность в русской культуре и знание её требует организационных усилий, и прежде всего со стороны России. Без организации центров общения, разработки специальной «родиноведческой» литературы и укрепления культурных связей русский язык вне России имеет мало шансов на массовое сохранение и передачу.

Список литературы

Голубева-Монаткина Н.И. Языковая культура русской эмиграции во Франции и Канаде. М.: МГЛУ, 1999. 142 с.

Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. М.: УРСС, 2004а. 380 с.

Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. Тексты и комментарии. М.: УРСС, 2004б. 480 с.

Голубева-Монаткина Н.И., Шестакова Л.Л. Об опыте изучения староэмигрантской русской речи с помощью автоматизированной системы «Диктум» // Памяти Анатолия Анатольевича Поликарпова. Сборник научных статей / Под редакцией М.Л. Ремневой [Электронное издание: CD]. М.: Издательство Московского университета, 2015. С. 108–119.

Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985. 428 с.

Кирьяш О.А. Родиноведение — краеведение — региональная история как структурные элементы патриотического воспитания в российской школе // Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность, 2017, № 3. С. 94–98.

Лантева О.А. Русский разговорный синтаксис. М.: УРСС, 2003. 398 с.

Русская разговорная речь. Тексты. М.: Наука, 1978. 307 с.

Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 2000. 473 с.

Шербинина Ю.В. Речевая агрессия и пути её преодоления. М.: Флинта, Наука, 2004. 221 с.

References

Golubeva-Monatkina N.I. (1999) Yazy'kovaya kul'tura russkoj e'migracii vo Francii i Kanade = The linguistic culture of Russian emigration in France and Canada. Moscow: MGLU, 142 p. (In Russian).

Golubeva-Monatkina N.I. (2004a). Russkaya e'migrantskaya rech' v Kanade koncza XX veka. Teksty' i kommentarii = Russian emigrant speech in Canada at the end of the 20th century. Texts and comments. Moscow: URSS, 380 p. (In Russian).

Golubeva-Monatkina N.I. (2004b). Russkaya e'migrantskaya rech' vo Francii koncza XX veka. Teksty' i kommentarii = Russian Emigrant Speech in France at the End of the 20th Century. Texts and Commentaries. Moscow: URSS. 480 p. (In Russian).

Golubeva-Monatkina N.I., Shestakova L.L. (2015). Ob opy'te izucheniya staroe'migrantskoj russkoj rechi s pomosh'h'yu avtomatizirovannoj sistemy' Diktum = On the experience of studying old-time Russian speech using the automated system "Dictum". Pamyati Anatoliya Anatol'evicha Polikarpova. Sbornik nauchny'x statej. Pod redakciej M.L. Remnevoj [E'lektronnoe izdanie: CD]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 108–119 (In Russian).

Zaliznyak A.A. (1985). Ot praslavyanskoj akcentuacii k russkoj = From Proto-Slavic accentuation to Russian accentuation. Moscow: Nauka, 428 p. (In Russian).

Kir'yash O.A. (2017). Rodinovedenie — kraevedenie — regional'naya istoriya kak strukturnye élementy' patrioticheskogo vospitaniya v rossijskoj shkole = Homeland Studies — Local History — Regional History as Structural Elements of Patriotic Education in Russian Schools. *Omskij nauchnyj vestnik. Seriya: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. No. 3, pp. 94–98 (In Russian).

Lapteva O.A. (2003). Russkij razgovornyj sintaksis = Russian colloquial syntax. Moscow: URSS. 398 p. (In Russian).

Russkaya razgovornaya rech'. Teksty' (1978) = Russian colloquial speech. Texts. Moscow: Nauka. 307 p. (In Russian).

Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985–1995) (2000) = Russian Language in the Late 20th Century (1985–1995). Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. 473 p. (In Russian).

Shherbinina Yu.V. (2004). Rechevaya agressiya i puti ee preodoleniya = Speech aggression and ways to overcome it. Moscow: Flinta, Nauka. 221 p. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Голубева-Монаткина Наталия Ивановна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Высшая школа перевода (факультет), кафедра теории и методологии перевода, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), Высшая школа перевода (факультет); golmonat@mail.ru

Кукушкина Ольга Владимировна — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, кафедра русского языка, 119991, Москва, Ленинские горы, ГСП-1, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й корпус гуманитарных факультетов (1-й ГУМ), филологический факультет; ovkukush@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Natalia I. Golubeva-Monatkina — Higher School of Translation and Interpreting, Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskiye Gory, 1, Moscow 119991, Russia; golmonat@mail.ru

Olga V. Kukushkina — Department of the Russian Language, Faculty of Philology Lomonosov Moscow State University; Building 51, the 1st Building of Humanities, Leninskiye Gory, 1, Moscow 119991, Russia; ovkukush@mail.ru

Вклад авторов: авторы внесли равноценный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Конфликт интересов: положения и точки зрения, представленные в данной статье, принадлежат авторам и не обязательно отражают позицию какой-либо организации или российского научного сообщества. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests: the ideas and opinions presented in this article entirely belong to the authors and do not necessarily reflect the position of any organization or the Russian scientific community as a whole. The authors state that there is no conflict of interests.